

УДК 316.4

Ромашкина Гульнара Фатыховна –доктор социологических наук,
заведующий кафедрой «Математических
методов, информационных технологий
и систем управления в экономике»,
Тюменский государственный университет
g.f.romashkina@utmn.ru**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-
РЕГУЛЯТИВНОЙ КОМПОНЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ***

**Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант №16-03-00500).*

Ключевые слова: модернизация, регион, права, свободы, проблемы, социокультурный, индустриализация, развитие.

Введение. Автор данной работы продолжает всестороннее изучение процессов модернизации, как в целом по Уральскому федеральному округу, так и в разрезе субрегионов Тюменской области [13]. Мы использовали концепцию поэтапной модернизации китайского профессора Хэ Чуанци [10], которую творчески развил и применил для российских реалий Н.И. Лапин [11]. В 2016 г. был издан «Атлас модернизации России и её регионов» [1], в котором на различных уровнях были рассмотрены модернизационные процессы в различных регионах России, и сделан ряд концептуальных выводов. Для целей данной работы важно зафиксировать, что модернизация - это самоповышающаяся эволюция цивилизации и благополучия людей [11]. Этот процесс включает четыре главные компоненты, каждую из которых можно рассматривать как компонентную модернизацию. Поскольку ранее они уже были охарактеризованы [7], здесь лишь назовем их: технико-технологическая, социальноэкономическая, социокультурная, институционально-регулятивная. Все компоненты модернизации как цивилизационного процесса взаимосвязаны, но сам процесс протекает несбалансированно. Модернизация каждого региона зависит от выбора населения, элит, эти процессы невозможно навязать, но им можно способствовать или препятствовать.

В качестве одного из важнейших выводов, сделанных в указанных выше работах, авторами отмечено противоречивая динамика институционально-регулятивной компоненты модернизации в российских регионах [13, с. 23]. Мы придерживаемся трактовки институционально-регулятивной компоненты модернизации как составляющих изменений регулирующих институтов

(формальных и неформальных правил действий акторов) в экономической, политической, общественной жизни общества. Общий вектор изменений составляет глубокая демократизация государственной и всей политической жизни общества, его судебно-правовых учреждений, обеспечение активности гражданского общества [11]. Указанное отставание многими авторами рассматривается также и как одно из основных ограничений новой индустриализации России [9], отставания от требуемых темпов экономического развития [4], дальнейшего углубления противоречивости норм публичной политики и их отражения в общественном мнении [2], фактического провала политики импортозамещения [14, с.13], и даже деградации России в рамках существующей экономической модели [3].

Как измерить такие изменения? Существует множество методик, и даже отрасли науки, изучающие социальные аспекты способов действий регулирующих институтов, уровня защищенности личности, доверия личности институтам власти и управления, формальных и неформальных институтов. В данной работе мы рассмотрим то, какие способы выбирают люди при столкновении с нарушениями прав и свобод личности, уровня защищенности личности и уровня правовой культуры граждан в различных социальных проекциях.

Эмпирической основой работы являются результаты социологических исследований, проводимых автором в проекте «Социокультурный портрет Тюменской области», и участие во всероссийском исследовательском проекте «Социокультурные портреты регионов России». Привлечены данные шести волн социокультурного мониторинга, проведенного в Тюменской области. Выборки репрезентируют население Тюменской области старше 18 лет по половозрастной структуре и образованию в разрезе территории проживания и типа поселения. Всего было опрошено в 2006, 2009, 2011, 2013, 2016 и 2017 годах соответственно 1715, 1560, 2335, 1271, 1514, 1640 человек. Ошибка выборки по одному признаку по формуле Паниотто не превышала 2,5%. Результаты предыдущих волн мониторинга были опубликованы в ряде статей и монографий, в том числе [11; 12; 15]. Привлекались результаты экспертного опроса (114 экспертов), проведенного в Тюменской области весной 2017 г.

Основная часть. Рассмотрим, как жители региона отвечают на вопрос *“Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?”* Ответы на этот вопрос: 0. Не сталкивался с нарушением прав; 1. Не пытался отстаивать нарушенные права; 2. Чаще удавалось отстаивать нарушенные права; 3. Чаще не удавалось отстаивать нарушенные права; 4. Никогда не удавалось отстоять нарушенные права. Ответы на этот вопрос позволяют вычислять: Сн – доля (в %) тех, кто сталкивался с нарушениями прав и свобод, от всех опрошенных; Ки – доля тех, кто пытался отстаивать свои нарушенные права и свободы, среди тех, кто сталкивался с нарушениями (Сн); Ку – доля тех, кому чаще удавалось

отстаивать нарушенные права и свободы среди тех, кто пытался их отстаивать (Ки). Поскольку в последней строке приведено среднее от числа вопросов, можно в общем судить об интенсивности обращений за защитой своих прав и свобод от жителей региона за 11 лет. Способ вычисления индексов Сн, Ки, Ку и индекса защищенности Кз и их динамика до 2015 г. приведены в [15, с. 25].

По доле ответивших «Не сталкивался с нарушением прав» можно выделить самые не нарушаемые и самые нарушаемые права и свободы граждан. Так, в 2017 г. самые ненарушаемые права и свободы, это – право избирать и быть избранным (76%), и свобода слова (75%), в скобках указана доля тех, кто сказал, что за прошедший год данные права не были нарушены ни разу. Самые нарушаемые, это – равенство перед законом (33%), право на труд (30%), право на безопасность и защиту личности (30%), право на охрану здоровья (29%), право частной собственности (29%), в скобках указана доля тех, кто не ответил, что он не сталкивался с нарушением прав. Не пытались отстаивать свои нарушенные права граждане: равенство перед законом (12%), право на безопасность и защиту личности (11%). Доля успешно отстаиваемых прав по всем часто нарушаемым правам, это 9%. Доля тех, кому чаще не удавалось отстаивать нарушенные права также примерно одинаковая – 3-4%. Доля тех, кому никогда не удавалось отстоять нарушенные права в среднем по выборке не превышает 3%.

За последние пять лет резко повысилась частота нарушений всех других прав, кроме первых двух в рейтинге нарушаемости. Одновременно мониторинг демонстрирует снижение интенсивности защиты нарушенных прав, но при этом выросла успешность защиты прав и свобод по всем направлениям. Интенсивность защиты и успешность защиты нарушенных прав оказалось самым сильным фактором, определяющим индекс защищенности индивидуума (Кз).

Уровень защищенности населения от проблем-опасностей оценивается по ответам на вопрос: «*Насколько сегодня Вы лично чувствуете себя защищенным от различных опасностей?*», в котором содержится перечень 11 опасных проблем. Кз (частное) по каждой из проблем-опасностей считается как средневзвешенное. Средний индекс защищенности Кз определяется как сумма средних значений Кз (частное)) преобразованная в шкалу от 0 до 1, где минимальное значение 0 показывает, что все жители региона считают себя совсем не защищенными, а максимальное значение 1 означает, что все жители считают себя полностью защищенным от всех видов опасностей-угроз. За 11 лет мониторинга средний индекс защищенности в регионе вырос с 0,52 до 0,59.

В наших публикациях по итогам социокультурного мониторинга неоднократно подчеркивалось, что проблемы-опасности, наиболее актуальные как для жителей Тюменской области (и ее отдельных субъектов), так и для России в целом совпадают. Это бедность, потеря работы, производ

чиновников, преступность, произвол правоохранительных органов. Далее идут (по убыванию) экология, одиночество и заброшенность, преследования за политические убеждения, притеснения из-за возраста и пола, религиозные убеждения, национальность. Рассмотрим среднее значение индекса защищенности для тех, кто отвечал соответствующим образом на вопрос *«Сталкивались ли Вы в последние 12 месяцев с нарушениями этих прав и свобод, как Вы поступали в таких случаях и с каким результатом?»* в 2017 г., значение критерия F и значимости (вероятность ошибки критерия) по результатам теста ANOVA дисперсионного анализа. Как известно, значимыми считаются различия между группами, если критерий F превышает 10, а максимально значимыми, если при этом значимость ниже 0,001. Видно, что при переходе от группы тех, кто не сталкивался с нарушением соответствующего права к тем, кому никогда не удавалось отстоять нарушенные права, индекс защищенности снижается почти в два раза. Наиболее сильные статистически устойчивые различия между группами, дающими различные ответы, наблюдаются при нарушении прав на равенство перед законом ($F=20$), на безопасность и защиту личности ($F=18,39$). То есть нарушение и возможность отстоять нарушение соответствующих прав дает наибольшие различия между группами по среднему индексу защищенности Кз. Сильнее всего снижает уровень защищенности гражданина невозможность отстоять нарушенное право на безопасность и защиту личности ($K_z=0,35$).

В каких социальных группах сильнее всего снижаются самооценки защищенности? Это женщины, живущие в незарегистрированном браке ($K_z=0,52$), граждане возрастной когорты от 45 до 54 лет ($K_z=0,57$), городские жители, работающие в сфере услуги (банковские, страховые, информационные, консалтинг, маркетинг) ($K_z=0,53$), офисные работники средней квалификации ($K_z=0,56$). Гендер вообще снижает оценки уровня защищенности по всем видам на 1% пункт (K_z (женщины)=0,58, K_z (мужчины)=0,60). Женщины гораздо реже пытаются отстоять свои нарушенные права, чем мужчины (почти в два раза). Существенно снижает самооценки защищенности рост образовательного статуса.

Кто сильнее всех ощущает свои права нарушенными?

Например, среди работников бюджетной сферы, работников образования, здравоохранения, культуры доля ответивших, что им не удавалось отстоять нарушенные права достигает 10-15 %% при средних менее 5%. Чаше других сталкиваются с нарушением своих прав работники сельского хозяйства, и они обычно не пытаются отстаивать свои нарушенные права. Работники производственной сферы в 36% случаев отвечают, что они сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом. Руководители производства сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом в 39% случаев. При этом женщины, работники производственной сферы сталкивались с нарушением своего права на равенство перед законом

в 39% случаев уже в 55% случаев. Отметим, что руководители отвечают в большинстве случаев, что им, как правило, удастся отстоять нарушенные права (более чем 95% нарушенных прав). Предприниматели отвечают, что им обычно удастся отстоять нарушенные права в 10-15%% случаев, и они гораздо реже оставляют свои нарушенные права без защиты. Именно в категории предпринимателей мы имеем наибольшую долю тех, кто отстаивают свои нарушенные права (выше 30%), и чаще всего успешно.

В завершении приведем фрагменты экспертных интервью. Эксперт-руководитель сельского хозяйства: *«На мне вон ярлык лизинга висит – 27 миллионов, о чем мы говорим, какое-развитие-то? Нет никакой помощи сельскому хозяйству. Встали, стоим, говорят кончилась у нас рецессия: где она кончилась?..»* Эксперт, владелец бизнеса: *«Что касается России, да, мы живем лучше, чем все остальные, но опять-таки, не потому что мы работаем лучше, потому, что мы имеем доходы, маленькую часть денег, которая из недр к нам поступает. Почему в Чечне живет лучше людям, чем, допустим, в Калмыкии? Потому что туда инвестируют деньги центр, там хотят успокоить население, их задабривают.»* Эксперт, руководитель бизнеса: *«Я бы назвала ситуацию стабильно-ухудшающейся. Хотела бы отметить что пособие по безработице в регионе, составляет 970 рублей. Как на эту сумму можно прожить семье из трех человек - вопрос нашим депутатам.»* Эксперт, владелец бизнеса: *«Поэтому нынешняя ситуация и ее экстраполяция в прошлое показывает что область уверено занимает близкие к лидирующим позиции по многим показателям. С точки зрения инфраструктуры все очень эффективно, с точки зрения социального обеспечения населения достаточно эффективно, с точки зрения привлечения инвестиций тоже вполне. Однако если мы посмотрим на тенденции ее развития, то мы увидим, что ни одна крупная система не может развиваться только под одним рычагом сверху, поэтому в случае каких либо резких скачкообразных изменений или каких-то вызовов, которые могут прийти, система может не справиться с ними в силу прямого ручного управления. Не существует акторов, которые бы выступали в виде подушки безопасности, то есть система твердая, но хрупкая, как бетон.»*

Заключение. По итогам нашего анализа подтверждена гипотеза о том, что, институционально-регулятивная компонента модернизации развивается противоречиво. Повышается средний индекс защищенности, и одновременно увеличивается значимость разрывов по индексу защищенности между различными социальными группами. В социуме ощущается сильная напряженность по поводу нарушения своих базовых прав и свобод. Более того, чем более прицельными становятся вопросы, тем сильнее определяются разрывы между различными социальными группами по поводу возможностей и успешности нарушенных прав и свобод гражданами. Оказываются незащищенными гражданские права и свободы женщин, работников производственной сферы, работников банковской сферы и сферы услуг. Очень

часто нарушаются права предпринимателей. Тем не менее имеются легитимные механизмы защиты своих прав, которыми, впрочем, граждане не в полной мере пользуются.

Эксперты в целом оценивают ситуацию с Тюменской области как позитивную, динамично развивающуюся, имеющую существенно более качественные характеристики, чем в целом по России. Эксперты реального сектора экономики и бизнеса указывают на неустойчивость развития в силу слишком сильного влияния человеческого фактора в управленческой системе и неустойчивости функционирования институтов.

Список литературы:

1. Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. 360 с.
2. Грин С. После Болотной: новая норма в публичной политике / С. Грин // Pro et Contra. 2012. № 4–5 (56), июль-октябрь. С. 54–70.
3. Зубаревич Н. В. Regional inequality and potential for modernization/ Н.В. Зубаревич // The Challenges for Russia’s Politicized Economic System. Оксфорд: Routledge, 2015. P.182-201.
4. Ильин В.А., Шабунова А.А. О некоторых тенденциях в экономическом развитии России и региона/ В.А. Ильин, А.А. Шабунова // Социологические исследования. – 2015. – №8. – С. 34–41.
5. Когай Е.А. Два тренда первичной модернизации регионов. центральное Черноземье/ Е.А. Когай, А.А. Когай // Социологические исследования. 2015. № 3 (371). С. 37–44.
6. Коровин Г.Б. Теоретические аспекты новой индустриализации России/ Г.Б. Коровин // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), №6(38), 2014. URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения: 23.07.2017).
7. Лапин Н.И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов/ Н.И. Лапин // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 8–19.
8. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010). М., ИФ РАН, 2010.
9. Лебедев В. С чего начать новую индустриализацию/ В. Лебедев // Эксперт 2013, №12.
10. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001 - 2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. русск. изд. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2011.

11. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Институт философии РАН. Составление, общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М., Academia, 2013. – 416 с.
12. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Составление и общая редакция Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. – М., 2009. – 807 с.
13. Ромашкина Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа/ Г.Ф. Ромашкина// Социологические исследования, 2015, № 1. С. 19–26.
14. Россия и мир: 2016. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта – А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 147 с.
15. Социокультурная динамика – портрет Тюменской области: коллективная монография / научная ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 2015. – 358 с.
16. Тарасов В.Т. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа/ В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонов// Социологические исследования, 2015, № 1. С. 11–18.